

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

1917 ГОД В РОССИИ:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ,
РЕВОЛЮЦИОННАЯ
МИФОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

Сборник научных трудов

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2016

УДК 94(47)(063)
ББК ТЗ(2)бя43
Т936

Издание поддержано грантом РФФ (проект № 16-18-10106
«Раннесоветское общество как социальный проект:
идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :

О. С. Поршнева, доктор исторических наук, профессор (гл. редактор);
Л. Н. Мазур, доктор исторических наук, доцент;
О. В. Горбачев, доктор исторических наук, профессор;
А. П. Килин, кандидат исторических наук, доцент;
О. М. Семерикова, кандидат исторических наук

Р е ц е н з е н т ы :

А. В. Голубев, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук,
руководитель Центра по изучению отечественной культуры
Института российской истории РАН;
кафедра истории России и зарубежных стран
Челябинского государственного университета
(заведующий кафедрой, доктор исторических наук С. А. Баканов)

1917 год в России: социалистическая идея, революцион-
Т936 ная мифология и практика : сб. науч. тр. – Екатеринбург :
Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 384 с.
ISBN 978-5-7996-1955-8

В сборнике представлены статьи, посвященные различным аспектам
Революции 1917 года – идеям и мифам социалистической реконструкции но-
вого общества, революционным практикам и социальным технологиям ре-
ализации революционного проекта.

УДК 94(47)(063)
ББК ТЗ(2)бя43

На обложке:

картина К. С. Петрова-Водкина «Фантазия» (1925)
(Собрание Государственного Русского музея)

УДК 94(47).084.9 + 394.2

О. С. Нагорная, О. Ю. Никонова

ЮБИЛЕИ РЕВОЛЮЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОСЛЕВОЕННОЙ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ¹

Статья посвящена формированию мемориального дискурса об Октябрьской революции 1917 года в странах Восточной Европы, который анализируется как один из важных смысловых элементов советской культурной дипломатии эпохи холодной войны. С помощью конструирования памяти о событиях Октября агенты советской культурной дипломатии добивались создания общих мест памяти «социалистического лагеря» и инсценировали существование общей социалистической идентичности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: советская культурная дипломатия, Октябрьская революция, места памяти, юбилеи, холодная война.

8 мая 1945 года был подписан акт о капитуляции нацистской Германии, и мир вступил в новую фазу своего развития, которая некоторое время спустя получит название холодной войны. Эта фаза ознаменовалась формированием биполярного мира, военно-политическим, экономическим и идеологическим соперничеством двух супердержав – СССР и США. Прежде чем полигоном для их соревнования стали страны третьего мира, в фокус геополитической борьбы попали страны Европы. В условиях холодной войны супердержавы активно использовали для достижения своих целей символический капитал: в то время как США превращали в свое оружие лозунги свободы и демократических ценностей, СССР апеллировал к идеям справедливости и нового общественного строя, рожденного в Октябре 1917 года. Мемориальный дискурс об Октябрьской революции стал одним из важных средств формирования «социалистической» идентичности в странах Восточной Европы, маркером для проверки политической лояльности, топосом, вокруг кото-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10213).

рого формировались общие для соцлагеря «места памяти». Советизация стран Восточной Европы имела и прикладное значение, превратившись в инструмент создания «пояса безопасности» вокруг СССР. Вспоминая о ситуации завершения Второй мировой войны, Вячеслав Молотов подчеркивал: «...Нам надо было закрепить то, что завоевано. Из части Германии сделать свою социалистическую Германию, а Чехословакия, Польша, Венгрия, Югославия – они тоже были в жидком состоянии, надо было везде наводить порядки» [1, с. 86].

Превращению восточноевропейских стран в союзников и сателлитов СССР благоприятствовала их внутривнутриполитическая ситуация. В демократических правительствах большинства освобожденных Красной Армией стран Восточной Европы присутствовали силы, открыто симпатизировавшие демократическим и социалистическим идеям. Видные фигуры политического истеблишмента, такие как президент Чехословацкой Республики Э. Бенеш, выступали за переход к народной демократии, правда «мирным путем», без диктатуры пролетариата [см.: 2, с. 10]. Советский лидер И. В. Сталин, пользовавшийся после войны огромным авторитетом в демократических кругах Европы, вплоть до 1947 года неоднократно высказывался в пользу мирного, постепенного перехода к социализму. В беседе с представителями Польской социалистической партии в августе 1946 года Сталин подчеркнул, что «в Польше новое демократическое правительство осуществило аграрную реформу и национализацию крупной промышленности, а это вполне достаточная база для того, чтобы без диктатуры пролетариата двигаться по пути дальнейшего развития в сторону социализма» [3, с. 511].

1947 год стал переломным во взаимоотношениях СССР со странами Восточной Европы, обозначив переход от контроля к массивному политическому, экономическому и идеологическому воздействию на государства, находившиеся в зоне советского влияния. Созданный для реализации политики контроля и информационного воздействия Коминформ был институционально подкреплен специальными организациями советских вооруженных сил и военной администрации, а также пропагандистскими учреждениями партии. Дискурс об Октябрьской революции, ставший частью культурной

экспансии СССР в странах Восточной Европы, формировался с помощью организационной сети культурной дипломатии, в которую входили как партийно-государственные учреждения различных уровней (например, Госкомитет по культурным связям с зарубежными странами при СМ СССР, Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей), так и квази-общественными (Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (до 1956 г. – ВОКС), общества дружбы с отдельными восточноевропейскими странами, Советский комитет защиты мира и др.).

Октябрь 1917 года был одним из трех ключевых мемориальных «брендов» публичной истории стран «соцлагеря», выступая чаще всего в связке с нарративами о победе во Второй мировой войне и об успехах социалистической интеграции. По мере отдаления Октябрьской революции память о ней все крепче привязывалась и к объектам, олицетворявшим разные достижения социализма – освоение космоса, крупнейшие индустриальные стройки. Актуализация памяти о революции носила ярко выраженный юбилейный характер, становилась поводом для «праздничной мобилизации общественности» [4, с. 83–109]. Символическое присутствие образа Октябрьской революции в праздничной коммеморации восточноевропейских стран можно продемонстрировать, например, обратившись к частоте упоминаний Октября в прессе ГДР: если в 1946 году оно встречалось в газетных статьях лишь 81 раз, то уже в 1947 году мы найдем 279 упоминаний, в 1957 – 1970, в 1967 – 4566, в 1977 году – 4524. И лишь в период максимального перестроечного охлаждения отношений с Советским Союзом, в 1987 году, наблюдается относительный спад – 1352 упоминаний [см.: 5], но и эта цифра превышает среднегодовое число публикаций в неюбилейные годы в несколько раз. В Югославии к 30-летию юбилею революции был снят сериал, герои которого – крестьяне и рабочие Истрии – оказались участниками революционных событий, а сам юбилей также стал одной из тем публикаций в газетах [см.: 6, р. 107].

Юбилеи революции становились поводом для формирования дискурса о социалистическом вожде В. И. Ленине. В дни празднования 50-й годовщины Октября в Праге была открыта новая экспо-

зиция музея Ленина, а в прессе широко освещалось присвоение одному из новых проспектов чехословацкой столицы имени вождя мировой революции [см.: 7, д. 298, л. 15]. К 100-летию Ленина, которое праздновало в 1970 году «все прогрессивное человечество», в ГДР по проекту советского скульптора Томского был возведен монументальный памятник, превращенный в одну из ключевых туристических достопримечательностей Восточного Берлина.

Там, где это было возможно, топос об Октябрьской революции переплетался с нарративами о международном рабочем движении, национальными историями и историей марксизма. В Восточной Германии активно использовался образ общих с СССР социал-демократических корней рабочего движения и международного характера революционных событий. В текстах путеводителей для советских туристов в качестве важных достопримечательностей отмечались города, связанные с основателями марксизма, редакция «Искры» в Лейпциге, место основания СДПГ в Эйзенахе.

В ситуации кризисов социалистического лагеря инструментализация мемориальных образов приобретала ярко выраженный политический характер. Так в Венгрии, где после жестокого подавления восстания 1956 года пропаганда любых советских символов была обречена на провал, к 40-летию Октябрьской революции советская сторона планировала создать фильм о роли венгерских военнопленных в революционных событиях [см.: 8, д. 505, л. 162] и апеллировать тем самым не только к совместному историческому прошлому, но и к причастности венгров к сотворению социалистического проекта. Тогда же планировалось безвозмездно передать стране ряд исторических ценностей: архивных документов, памятников культуры [см.: Там же, д. 504, л. 17] и широко осветить эти мероприятия в местной прессе.

Помимо юбилеев важным каналом укоренения дискурса об Октябрьской революции в публичной коммуникации стран «соцлагеря» была партийная учеба и агитационно-пропагандистская работа с населением. Как указывает немецкий историк Ян Берендс, «Краткий курс истории ВКП (б)», в котором Октябрьская революция приобрела очертания мифа основания, стал обязательным элементом партийной учебы польских и восточногерманских комму-

нистов. Термин «Великая Октябрьская социалистическая революция» вошел в канон партийной агитационной литературы. Значение Октября приобрело «всемирные масштабы» и знаковое толкование «рубеза», за которым начался путь человечества к эпохе народного господства и подлинной общественной демократии [см.: 9, s. 65]. Необходимо отметить, что Берендс также обращает внимание на привязку агитационных кампаний, связанных с Октябрем, к юбилейным датам.

С усложнением медийной среды соцлагеря формы включения Октябрьской революции в праздничную коммеморацию становились более разнообразными. Памятные мероприятия все чаще содержали массовые зрелищные эффекты, к примеру, набиравшие популярность элементы спортивных состязаний. В 1967 году, к юбилею Октябрьской революции планировались встречи спортсменов СССР и ГДР в 30 видах спорта [см.: 10, s. 8], которые активно освещались в прессе. В 1987 году 70-летие Октября в Венгрии отмечали в рамках дней советских профсоюзов. По сообщению советской газеты «Труд», в Будапеште и 12 крупных городах страны прошли «совместные юбилейные трудовые вахты советских и венгерских рабочих, деловые встречи профсоюзных активистов двух стран, семинары и симпозиумы ученых научных центров ВЦСПС и ВСП, выступления художественных коллективов двух стран» [11, с. 4].

Формирование коммеморативного дискурса об Октябре в странах Восточной Европы нельзя представить без участия негосударственных агентов культурной дипломатии, в том числе представителей рядовых граждан стран социалистического «блока», творческой интеллигенции восточноевропейских государств, журналистов. Немецкий поэт Штефан Гермлин, в 1948 году побывавший в СССР в составе делегации деятелей культуры Восточной Германии и в этом же году опубликовавший свои воспоминания о поездке в издательстве Восточного Берлина, так описывал «колыбель революции» – Ленинград: «История – в каждом уголке, в каждом камне; из этого торжественного спокойствия разразилась титаническая буря, которая зажгла человечество» [9, s. 66–67].

Благодаря корректировке индивидуальных воспоминаний, представители старших поколений получали возможность сохра-

нять значимые социальные позиции. Так, в 1967 году «Берлинская газета» чествовала Якоба В., рядового участника рабочих стачек в Берлине, который праздновал свое 75-летие одновременно с юбилеем Октябрьской революции. В газетном материале Якоб вспоминал о воодушевлении своих товарищей, когда те получили известие о событиях в России, а также признавал в своем рассказе о прошлом безусловное лидерство большевиков в деле революционной борьбы [см.: 12, с. 9].

Болгарский журналист Дамян Обрешков в 1987 году поделился с болгарскими и советскими читателями своими воспоминаниями об участии в юбилейных мероприятиях. К 50-летию Октября Обрешков готовил специальный номер газеты «Поглед» («Взгляд»), для чего объехал СССР от Ленинграда до Новосибирска и написал репортаж «Взгляд на СССР», к 60-летию юбилею готовил для болгарского радио комментарии о праздничных мероприятиях в Москве, а десять лет спустя, передав свою журналистскую эстафету молодым товарищам по перу, опубликовал в газете «Труд» восторженные строки о докладе М. С. Горбачева. В духе революционного романтизма журналист писал: «Среди вершин человеческой истории Великая Октябрьская социалистическая революция, бесспорно, является политическим и духовным Эверестом. Лишь одно событие было бы одинакового с ней значения – встреча землян с неземной цивилизацией. Именно потому, что революция 1917 года стала началом новой цивилизации здесь, на нашей исстрадавшейся Земле. Цивилизации высшей человеческой справедливости – коммунистического строя» [13, с. 4].

Таким образом, образ Октябрьской революции стал одним из важнейших элементов советской культурной дипломатии в странах Восточной Европы в годы холодной войны. Он использовался для создания общих «мест памяти» и инсценирования социалистической идентичности. После окончания Второй мировой войны коммеморативный дискурс об Октябре 1917 года формировался в тесной связи с топосом военной победы и нарративами о достижениях социалистического общества. Интенсивность обращения к образам Октября нарастала в юбилейные годы, даты, связанные с годовщинами отдельных революционных событий и историчес-

ких персонажей, в ситуациях кризисов восточного блока. Вокруг создававшихся в социалистических странах мемориалов целенаправленно имитировалась постоянная общественная активность: они включались в туристические маршруты, праздничные мероприятия, программы визитов. С развитием медийной среды социалистического лагеря коммеморация вокруг Октябрьской революции трансформировалась в сторону усиления массовости и зрелищности.

-
1. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.
 2. Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953 : документы : в 2 т. М., 1999. Т. 1.
 3. Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953. Т. 1 : 1944–1948. М., 1997.
 4. Rolf M. Leere. «Räume des Jubels»: Zur Erosion der Kampagneöffentlichkeit in der späten Sowjetunion // Boskovska N., Strobel A., Ursprung D. (Hg.), «Entwickelter Sozialismus» in Osteuropa. Arbeit, Konsum und Öffentlichkeit. Berlin, 2016. S. 83–108.
 5. Суммировано по данным каталога «Пресса ГДР». Staatsbibliothek zu Berlin. DDR-Presse [Электронный ресурс]. URL: <http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/ddr-presse> (дата обращения: 25.09.2016).
 6. Mihelj S. The Dreamworld of New Yugoslav Culture and the Logic of Cold War Binaries // Divided Dreamworlds? The Cultural Cold War in East and West. Edited by Peter Romijn, Giles Scott-Smith, Joes Segal. Amsterdam, 2012. P. 97–114.
 7. ГАРФ. Ф. 9576 (Союз Советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД). 1958–1992). Оп. 4. Д. 298. Л. 15.
 8. РГАНИ. Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС). Оп. 28.
 9. Jan C. Behrends. Die erfundene Freundschaft: Propaganda für die Sowjetunion in Polen und in der DDR. Boehlau Verlag Koeln ; Weimar ; Wien, 2006.
 10. Grosse Erfolge verpflichtet. ADN-Interview mit den Praesidenten des DTSB Manfred Ewald // Neues Deutschland. 1967. 1. Jan. S. 8.
 11. Югов Н. Деловое сотрудничество // Труд. 1987. 7 нояб. С. 4.
 12. Jakob Weber. Damals im Jahre 1917... // Berliner Zeitung. 13. Jan. 1967. S. 9.
 13. Обрешков Д. Мы с вами, советские братья! // Труд. 1987. 7 нояб. С. 4.